орк
96877 pvp
Симони

Майков Л.Н.

Князь Вяземский и Пушкин об Озерове.- СПб., 1897

1948 г.

Л. Майковъ.

Самар. Губ. Земства.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ и ПУШКИНЪ

ОБЪ ОЗЕРОВѢ

(По матеріаламъ Остафьевскаго архива).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1897

96877.

96877.

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами «строгие» порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ «ЗАЧИТАЛ» НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА“ т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 19248 зак. 78, тир. 25000, тип. обл. упр.

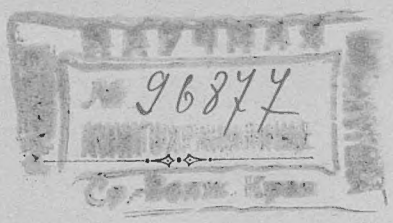
1941 г.
1943 г.
891.709
М14
КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

Л. Майковъ.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ и ПУШКИНЪ

ОБЪ ОЗЕРОВѢ

(По матеріаламъ Остафьевскаго архива).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1897

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 марта 1897 г.

Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ.

(По матеріаламъ Остафьевскаго архива).

Владиславъ Александровичъ Озеровъ скончался 5-го сентября 1816 года, послѣ тяжкой и долговременной болѣзни, сопровождавшейся даже помраченіемъ ума. Причину его помѣшательства современники видѣли, съ одной стороны, въ обидахъ, нанесенныхъ ему на служебномъ поприщѣ, а съ другой—въ непріятностяхъ, которыя онъ потерпѣлъ при постановкѣ на сцену своей послѣдней трагедіи „Поликсена“. Эта піеса, которую авторъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, была въ первый разъ исполнена на петербургскомъ театрѣ 14-го мая 1809 года, и хотя имѣла меньше успѣха, чѣмъ „Эдипъ въ Аѳинахъ“, „Фингалъ“ и „Димитрій Донской“, все же была принята публикой довольно благосклонно; тѣмъ не менѣе, ее сняли съ репертуара послѣ перваго же представленія, какъ не обѣщавшую доходовъ театру, и авторъ ея былъ лишенъ слѣдовавшаго ему вознагражденія. Молва приписывала это распоряженіе интригамъ служившаго при театрѣ князя А. А. Шаховского, и по смерти Озерова въ журналахъ того времени дѣлались намеки на это обстоятельство. Такъ, въ „Сынѣ Отечества“ 1816 года (ч. 33, № 45, стр. 267) появилась слѣдующая эпиграмма:

Угасъ нашъ Озеровъ, лучь славы россіанъ,
Умолкъ пѣвецъ Фингала, Поликсены!
Рыдайте, невскія камены,
Ликуй, Аристофанъ!

Подъ именемъ Аристофана тутъ, очевидно, разумѣлся авторъ комедій Шаховской. Лицеистъ Пушкинъ, уже знакомый въ то время съ кружкомъ враждебнаго Шаховскому Арзамаса, также воспользовался случаемъ пустить стрѣлу сатиры въ заподозрѣннаго въ интригахъ комика. Въ своемъ посланіи къ Жуковскому, написанномъ въ началѣ 1817 года, онъ обращался къ поэтамъ, „друзьямъ истины“, со слѣдующими словами:

Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!

Въ послѣдніе годы жизни Озеровъ не давалъ согласія на перепечатку даже тѣхъ изъ своихъ трагедій, которыя имѣли вполнѣ блестящій успѣхъ, „Поликсена“ же оставалась вовсе не изданною. Но со смертью автора этотъ запретъ потерялъ силу, и издатели поспѣшили удовлетворить требованіямъ публики: въ самый годъ кончины поэта предприняты были два изданія его произведеній, и къ обоимъ (оконченнымъ уже въ 1817 году) была приложена статья о жизни и сочиненіяхъ Озерова, написанная княземъ П. А. Вяземскимъ.

Статья эта была первымъ опытомъ молодого автора въ критико-біографическомъ родѣ, въ которомъ онъ прославился впослѣдствіи. Писать объ Озеровѣ было ему не легко: князь не зналъ его лично, и потому въ біографической части статьи онъ принужденъ былъ довольствоваться чужими сообщеніями. Изъ писемъ Вяземскаго, относящихся ко второй половинѣ 1816 года, видно, какъ онъ былъ озабоченъ собираніемъ матеріаловъ для своего труда. 27-го сентября онъ писалъ Александру Ивановичу Тургеневу: „Пришли новое изданіе Озерова, а я тебѣ деньги вышлю. Оно мнѣ нужно: я хочу писать о немъ... Дай себѣ трудъ отыскать первую трагедію Озерова, которой я имени не упомню. Она, кажется, была представлена разъ одинъ въ пользу Яковлева. Блудовъ вѣрно знаетъ. Также спроси у него: нѣтъ ли еще чего-нибудь Озеровова, мало извѣстнаго? Онъ перевелъ героиду Элоизы—Колардо. Гдѣ она? Что она? Ради Бога, господа, помогите мнѣ. Озеровъ стоитъ, чтобы объ немъ похлопотать: грѣшно забвеніе, въ ко-

торое ввергли мы его. Все, что̀ отыскать можешь печатнаго или письменнаго Озерова, пришли мнѣ". Дмитрій Николаевичъ Блудовъ приходился съ родни Озерову, и Тургеневъ дѣйствительно обратился къ нему за содѣйствіемъ. Блудовъ оказалъ его съ радостью; но Вяземскій, не смотря на полученіе матеріаловъ, все еще чувствовалъ себя недостаточно подготовленнымъ для исполненія задуманнаго труда. 16-го октября онъ писалъ Тургеневу: „Благодарю Кассандру (арзамасское прозвище Блудова) за пророческую ея радость. Я теперь и жалѣю, что объявилъ желаніе свое писать объ Озеровѣ. Помню пословицу: собака лежитъ на сѣнѣ. Самъ ничего хорошаго не сдѣлаю, а другихъ отведу". Немного позже Вяземскій писалъ и самому Блудову: „Возвращаю вамъ, любезнѣйшій Дмитрій Николаевичъ, „Смерть Олега", которую я списалъ съ вашего позволенія. „Смерть Олега" не предсказывала безсмертія Озерову, хотя и видны въ ней нѣкоторыя поэтическія замашки. Въ переводѣ героиды найдешь болѣе признаковъ грядущаго Озерова. Ее возвращу вамъ немедленно. Постороннія занятія не позволили мнѣ идти скорыми шагами къ цѣли, мнѣ вами предположенной. Надѣюсь теперь быть поворотливѣе. Ожидаю отвѣта вашего на мои распросы и присылки нужныхъ матеріаловъ" [1]). Оказалось однако, что въ жизни Озерова было немало печальныхъ обстоятельствъ, оглашеніе которыхъ, по крайней мѣрѣ въ то время, представлялось неудобнымъ: поэтому біографическій отдѣлъ въ статьѣ Вяземскаго вышелъ очень невеликъ, и главное мѣсто отведено въ ней оцѣнкѣ произведеній покойнаго трагика.

Князь Вяземскій говоритъ о литературной дѣятельности Озерова съ большимъ увлеченіемъ. Онъ провозглашаетъ его преобразователемъ русской трагедіи и заслугу его въ этомъ отношеніи сравниваетъ съ заслугой Карамзина въ дѣлѣ преобразованія нашего прозаическаго языка. Трагедіи предшественниковъ Озерова были, по мнѣнію Вяземскаго, „мертвыми подражаніями французской классической трагедіи, въ которыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенныя условія, проповѣдуемыя драматическими пінти-

[1]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 годъ, стр. 220 и 221.

ками. Трагедіи Озерова... и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ отступленія отъ правилъ, исполненныя жизни и посящія свой образъ. Какъ трагикъ, Озеровъ неоспоримо стоитъ въ лѣтописи отечественной словесности побѣдителемъ своихъ предшественниковъ и опаснымъ соперникомъ для послѣдователей... Озеровъ-трагикъ можетъ и долженъ служить образцомъ на театрѣ нашемъ". Достаточно этой небольшой выписки, чтобы видѣть, что Вяземскій, когда писалъ свою статью объ Озеровѣ, стоялъ еще на уровнѣ общераспространенныхъ тогда мнѣній, опиравшихся на образцы, данные почти исключительно французскою литературой и критикой. Понятно поэтому, что статья его была встрѣчена общимъ одобреніемъ; впослѣдствіи она еще три раза перепечатывалась при повторявшихся изданіяхъ сочиненій Озерова (въ 1824, 1827 и 1828 годахъ), безъ измѣненій. Только въ изданіи 1828 года къ ней присоединено было слѣдующее примѣчаніе: „Преждевременная смерть Озерова, внезапно похитившая пріятнѣйшія надежды русской Мельпомены, сильно поразила всѣхъ любителей словесности. Князь П. А. Вяземскій, будучи тогда двадцати-четырехъ лѣтъ, написалъ помѣщаемую здѣсь біографію нашего трагика. Каковы бы ни были теперь мнѣнія автора о драматической поэзіи, его замѣчанія драгоцѣнны, какъ первыя движенія чувствительности, свѣжіе цвѣты, принесенные имъ на гробницу поэта".

Очевидно, это примѣчаніе не принадлежитъ самому автору статьи; но написанное постороннею рукой, оно все-таки любопытно, во-первыхъ, какъ свидѣтельство объ общемъ сочувствіи, вызванномъ въ свое время статьей Вяземскаго объ Озеровѣ, и во-вторыхъ, по содержащемуся тутъ указанію на измѣнившіяся литературныя мнѣнія князя. Такое заявленіе едва ли могло быть сдѣлано безъ его собственнаго согласія. Дѣйствительно, князь Вяземскій очень скоро послѣ напечатанія статьи почувствовалъ необходимость произвести въ ней существенныя перемѣны. Еще въ августѣ 1819 года онъ писалъ Тургеневу: „Сдѣлай одолженіе кстати, отыщи мою статью объ Озеровѣ: мнѣ ее хочется дополнить. Я и то, кажется, въ ней нападаю на французскій покрой нашего драматическаго искусства; теперь хочу разорвать въ клочки французскія фижмы

нашей Мелпомены. У меня много скопилось мыслей на этотъ счетъ: введу ихъ въ статью объ Озеровѣ или напишу другую". Высказанное въ этихъ словахъ намѣреніе осталось не исполненнымъ. Но въ теченіе двадцатыхъ годовъ князь много и сильно ратовалъ на поприщѣ критики, и хотя въ сущности никогда не являлся крайнимъ литературнымъ новаторомъ, его сужденія дѣйствительно значительно отдалились въ это время отъ той точки зрѣнія, на которой онъ еще могъ стоять въ 1816 году. Такъ напримѣръ, въ одной изъ его статей 1826 года, гдѣ между прочимъ сообщалось, что Пушкинъ пишетъ трагедію „Борисъ Годуновъ", можно было прочесть слѣдующія разсужденія, имѣющія отношенія и къ Озерову: „По моему, должно надѣяться, что онъ (Пушкинъ) подаритъ насъ образцовымъ опытомъ первой трагедіи народной и вырветъ ее изъ колеи, проведенной у насъ Сумароковымъ не съ легкой, а развѣ съ тяжелой руки. Благоговѣя предъ поэтическимъ геніемъ Расина, сожалѣю, что онъ завѣщалъ почти всѣмъ русскимъ послѣдователямъ не тайну стиховъ своихъ, а одну обрѣзанную, накрахмаленную и по закону тогдашняго общества сшитую мантію своей парижской Мелпомены. Какъ жаль, что Озеровъ, при поэтическомъ своемъ дарованіи, не дерзнулъ переродить трагедію нашу! Тѣмъ болѣе опытъ Пушкина любопытенъ и важенъ".

Много лѣтъ спустя, не за долго до своей кончины, князь Вяземскій, приготовляя къ печати собраніе своихъ сочиненій, самъ бросилъ критическій взглядъ на свой ранній этюдъ. Онъ говоритъ о немъ съ отеческою нѣжностью; признаетъ, что его произведеніе „слабо, неполно", но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ, что въ немъ „многое угадано и выражено если не совсѣмъ вѣрно, то иногда довольно удачно и ново". Не скрываетъ онъ и недостатковъ своего молодого труда: „Есть кое-гдѣ неправильность въ языкѣ: какая-то напряженность, излишняя искусственность въ выраженіи вслѣдствіе короткаго знакомства моего съ французскими образцами стараго времени, длина, растянутость нѣкоторыхъ періодовъ". Кромѣ того, Вяземскій добросовѣстно отрекается отъ двухъ своихъ прежнихъ утвержденій—что заслуга Озерова можетъ быть сравнена съ заслугой Карамзина, и что Озеровъ можетъ и долженъ служить образцомъ для нашихъ трагиковъ.

Въ богатомъ литературными памятниками Остафьевскомъ архивѣ князя П. А. Вяземскаго отыскался еще одинъ замѣчательный документъ, имѣющій отношеніе къ его этюду объ Озеровѣ. Сохранился печатный экземпляръ этой статьи [1]) съ проложенными бѣлыми листами (въ нихъ водяной знакъ 1825 года), на которыхъ, а равно на поляхъ печатнаго текста, находится рядъ критическихъ замѣтокъ, какъ о статьѣ Вяземскаго, такъ и о самомъ Озеровѣ. Замѣтки эти принадлежатъ А. С. Пушкину. Надобно думать, что онѣ набросаны не ранѣе сентября 1826 года, когда Пушкинъ впервые увидѣлся съ Вяземскимъ по возвращеніи изъ ссылки, и не позже первыхъ мѣсяцевъ 1828 года, когда была закончена перепечатка статьи Вяземскаго съ вышеупомянутымъ примѣчаніемъ. Весьма возможно, что именно въ виду этой перепечатки князь Петръ Андреевичъ еще разъ обратился было къ мысли передѣлать свою прежнюю статью и потому пожелалъ узнать о ней мнѣніе Пушкина; но затѣмъ мысль о переработкѣ стараго труда опять была оставлена. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что замѣтки Пушкина относятся къ періоду его зрѣлости, когда уже созданъ былъ „Борисъ Годуновъ“, а „Евгеній Онѣгинъ“ приближался къ окончанію.

Критическіе пріемы Вяземскаго Пушкинъ очень любилъ, хотя нерѣдко расходился съ нимъ въ литературныхъ сужденіяхъ. Въ 1827 году, сравнивая два московскіе журнала между собою, онъ писалъ Погодину: „Московскій Вѣстникъ“, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, лучшій изъ нашихъ журналовъ. Въ „Телеграфѣ“ похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ „Телеграфѣ“ отдамъ три дѣльныхъ статьи „Московскаго Вѣстника“. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста“. Это же мнѣніе Пушкинъ высказывалъ и въ печати, на столбцахъ „Литературной Газеты“ 1830 года. За много лѣтъ передъ тѣмъ, еще въ 1823 году, онъ писалъ А. А. Бесту-

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ изданія 1816 года, на веленевой бумагѣ.

жеву: „Признаюсь, ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня“. Замѣчанія Пушкина на статью объ Озеровѣ, въ своей живой, отрывочной формѣ, являются именно какъ бы образцомъ такого спора. Прибавимъ къ тому, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ находился въ особенно выгодномъ положеніи: онъ разсматривалъ почти юношескій трудъ Вяземскаго, трудъ, защищать который на всѣхъ пунктахъ не желалъ и самъ авторъ спустя десять лѣтъ по его написаніи. И должно сказать, Пушкинъ не пощадилъ своего пріятеля.

Замѣчанія Пушкина равно касаются и внѣшней формы статьи, и ея содержанія. Писатели двадцатыхъ годовъ были вообще внимательнѣе, чѣмъ нынѣшніе, къ построенію своихъ произведеній, къ ихъ отдѣлкѣ и особенно къ слогу. Пушкинъ придавалъ большое значеніе этой сторонѣ литературнаго труда и даже свои мелкія прозаическія статьи обработывалъ также тщательно, какъ стихотворенія. Поэтому, разсматривая критико-біографическій опытъ Вяземскаго, онъ не могъ оставить безъ вниманія и внѣшнюю форму этой статьи.

Что касается ея слога, то, какъ мы уже видѣли выше, самъ Вяземскій, въ старости, признавалъ его слишкомъ искусственнымъ и недостаточно точнымъ. Мастерство изложенія, которымъ Вяземскій отличался впослѣдствіи, онъ проявилъ не сразу, а выработалъ постепенно, въ особенности въ теченіе первой половины двадцатыхъ годовъ, когда ему пришлось вести дѣятельную журнальную полемику. И Пушкинъ первый привѣтствовалъ этотъ успѣхъ своего пріятеля. „Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ“, писалъ онъ князю въ 1824 году по поводу одной изъ его полемическихъ статей, а годъ спустя, по поводу другой, снова повторялъ: „Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе“. Но это говорилось уже въ ту пору, когда Вяземскій сталъ опытнымъ журнальнымъ бойцомъ. Подъ такими-то впечатлѣніями пришлось Пушкину перечитывать ранній опытъ Вяземскаго: естественно, что слогъ этой статьи непріятно поразилъ его своимъ приподнятымъ тономъ. „Да говори просто: ты довольно уменъ для этого“, восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ объ Озеровѣ слѣдую-

щую пышную фразу: „Изъ нашихъ драматическихъ твореній всякое болѣе или менѣе ознаменовано печатію отверженія, наложенною на нашъ театръ рукою Таліи и Мелпомены“. На другой страницѣ той же статьи Пушкинъ прочелъ такія слова: „главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ“ — и спѣшитъ замѣтить: „любовь къ друзьямъ — по русски *дружба*, не свойство, а страсть развѣ“. Много неудачныхъ выраженій Вяземскаго Пушкинъ просто зачеркиваетъ или замѣняетъ своею поправкою; такъ напримѣръ, противъ словъ: „и совсѣмъ поглотила его бездна забвенія“ онъ пишетъ: „и совсѣмъ его забыли (проще и лучше)“. Въ одномъ случаѣ Вяземскій не удержался отъ игры словами: „Новѣйшіе, рабски слѣдуя древнимъ, приняли ихъ мѣрку, не заботясь о выкройкѣ ихъ“. Пушкинъ самъ былъ мастеръ на острословіе; но въ данномъ случаѣ, когда дѣло шло о размѣрахъ древней и новой трагедіи, онъ счелъ неумѣстнымъ примѣненіе терминовъ портняжнаго ремесла къ поэзіи и отечески пожурилъ пріятеля: „Перестань, не шали!“ Лишь изрѣдка счастливый оборотъ рѣчи у Вяземскаго вызываетъ одобреніе Пушкина, выражаемое словами: „хорошо“, „прекрасно“; но и въ такихъ случаяхъ дѣло не всегда обходится безъ поправки: такъ, выраженіе Вяземскаго: „въ льдистомъ сосудѣ“ поправилось поэту, очевидно, по своей образности; онъ написалъ на полѣ: „хорошо, смѣло“, но тутъ же предложилъ и исправленіе: „не въ ледяномъ ли?“

Кромѣ того, въ этюдѣ Вяземскаго Пушкинъ находилъ, съ одной стороны, ненужныя распространенія, а съ другой — кое-гдѣ недосказанность. Длинноты онъ зачеркнулъ въ самомъ текстѣ, отмѣтивъ притомъ на поляхъ: „лишнее“, „повтореніе уже сказаннаго“, а тамъ, гдѣ видѣлъ неполноту изложенія, ставилъ знакъ вопроса или писалъ: „гдѣ? какъ?“ или: „почему? изъясни“. Особенно недоволенъ онъ остался тѣмъ, какъ Вяземскій разсказалъ исторію сердечныхъ треволненій Озерова. „Все это сбивчиво“, пишетъ Пушкинъ на полѣ; — „ты сперва говоришь о его любви, потомъ о его романизмѣ въ трагедіяхъ, потомъ о дружбѣ, потомъ опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Болѣе методы, ясности!“ Среди этихъ упрековъ Пушкинъ не замѣтилъ и не оцѣнилъ даже очень вѣрнаго замѣчанія Вяземскаго, что чтеніе старинныхъ

романовъ дало особый характерный оттѣнокъ вымысламъ фантазіи Озерова. Въ одномъ изъ подобныхъ замѣчаній Пушкина слышится даже нѣкоторая жесткость. Вяземскій, вспоминая, что Озеровъ въ молодости перевелъ героиду Колардо „Элоиза къ Абелару“, замѣчаетъ, что было бы несправедливо „не признать грядущаго поэта“ въ этомъ трудѣ, а Пушкинъ противъ этихъ словъ приписываетъ на полѣ: „Какъ тебѣ не стыдно распространяться объ этомъ! Все это лишнее“.

Всего важнѣе и любопытнѣе однако тѣ замѣчанія Пушкина, которыя касаются не внѣшней формы и строя статьи Вяземскаго, а литературныхъ сужденій, высказанныхъ въ ней авторомъ. Какъ уже было замѣчено, Вяземскій первопачально воспитался на французской классической литературѣ XVII и XVIII столѣтій, и таковъ именно онъ былъ въ 1816 году, когда писалъ объ Озеровѣ. Вскорѣ затѣмъ его литературный горизонтъ значительно расширился подъ вліяніемъ знакомства съ Байрономъ, Вальтеромъ Скоттомъ, Шиллеромъ, Гёте и Шекспиромъ и подъ впечатлѣніемъ творчества Жуковскаго и особенно Пушкина. Тотъ же путь развитія подъ иностранными вліяніями прошелъ и Пушкинъ, но по силѣ своего дарованія онъ воспринялъ ихъ гораздо глубже всѣхъ своихъ современниковъ и затѣмъ, постепенно освободившись отъ чужихъ вліяній, вышелъ на путь самостоятельнаго творчества. Въ ту пору, когда онъ перечитывалъ молодой трудъ Вяземскаго, онъ былъ уже вполнѣ самобытный художникъ и имѣлъ самостоятельныя воззрѣнія на поэзію, выработанныя собственнымъ опытомъ гораздо болѣе, чѣмъ изученіемъ образцовъ. Преданія старой, отживающей критики утратили для него всякое значеніе, и къ сужденіямъ, въ которыхъ еще чувствовался ихъ слѣдъ, онъ не могъ относиться равнодушно. Этимъ объясняется характеръ его возраженій противъ сужденій, высказанныхъ Вяземскимъ въ статьѣ объ Озеровѣ.

Въ критической части своего этюда Вяземскій, прежде чѣмъ представить оцѣнку произведеній Озерова, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ его предшественникахъ на поприщѣ русской драматургіи. О Сумароковѣ онъ судитъ очень строго, и хотя признаетъ въ немъ умъ и дарованіе, относительно его сочиненій замѣчаетъ только, что „въ трагедіяхъ Сумароковъ также выше ко-

медій своихъ, какъ Княжнинъ въ комедіяхъ выше трагедій Сумарокова и своихъ собственныхъ". Пушкинъ тоже былъ невысокаго мнѣнія о Сумароковѣ: въ одной изъ своихъ критическихъ статей онъ называетъ его „несчастнѣйшимъ изъ подражателей", а трагедіи его—„вялыми и холодными", „исполненными противомыслія, написанными варварскимъ языкомъ". Согласно съ такимъ мнѣніемъ, и въ замѣткахъ на статью объ Озеровѣ, противъ сдѣланнаго Вяземскимъ сопоставленія Сумарокова съ Княжнинымъ, онъ пишетъ: „И этого не вижу: въ немъ все дрянь, кромѣ нѣкоторыхъ одъ". Эта послѣдняя оговорка представляется намъ не совсѣмъ понятною: трудно догадаться, какія стихотворенія Сумарокова поэтъ могъ исключать изъ „дряни", наполняющей многотомное собраніе его сочиненій; не разумѣлъ ли онъ, быть можетъ, тѣ немногія піесы, въ которыхъ Сумароковъ пользовался мотивами и выраженіями народной поэзіи? Такая догадка становится допустимою, когда мы прочтемъ слѣдующія слова, которыми Пушкинъ заключаетъ свое сужденіе объ „отцѣ русскаго театра": „NB. Сумароковъ прекрасно зналъ русскій языкъ (лучше, нежели Ломоносовъ)".

Къ Княжнину Вяземскій отнесся въ своей статьѣ очень благосклонно: „Княжнинъ первый положилъ твердое основаніе какъ трагическому, такъ и комическому слогу. Лучшая комедія въ стихахъ на нашемъ театрѣ есть неоспоримо „Хвастунъ", хотя и въ ней критика найдетъ много недостатковъ, и вкусъ не всѣ стихи освятилъ своею печатью. Но за то сколько сценъ истинно комическихъ, являющихъ блестящія дарованія автора! Сколько счастливыхъ стиховъ, вошедшихъ непримѣтно въ пословицы! Сколько цѣлыхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ такъ сказать, о зрѣлости слога Княжнина!... „Утѣшенная вдова" до сего времени можетъ служить у насъ образцовою (комедіей) по достоинству прозаическаго и комическаго слога, тонкой насмѣшки и веселости". Излишество въ этихъ похвалахъ не могло не поразить Пушкина; еще въ 1825 году, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бестужеву, онъ съ проніей говорилъ, что у насъ „Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою"; въ замѣткахъ на статью Вяземскаго онъ счелъ необходимымъ предостеречь его отъ подобныхъ увлеченій. „Хвастунъ", напоминаетъ ему Пушкинъ,—„переводъ изъ „L'Important"; я не читалъ

подлинника, пересмотри"; а по поводу „Утѣшенной вдовы" онъ прибавляетъ: „Полно, такъ ли?" О Княжнинѣ, какъ авторѣ трагедій, Вяземскій судилъ болѣе строго и находилъ даже, что „главный недостатокъ Княжнина происходитъ отъ свойствъ души его: онъ не рожденъ трагикомъ". „То-есть, онъ просто не поэтъ", коротко поясняетъ со своей стороны Пушкинъ. Впослѣдствіи, когда Вяземскій писалъ свою книгу о Фонвизинѣ, онъ самъ почувствовалъ необходимость поумѣрить похвалы Княжнину и высказался о немъ гораздо осторожнѣе.

Кстати о Фонвизинѣ. Вяземскій, признавшій нужнымъ благосклонно отозваться о прозаической комедіи Княжнина, упомянулъ о піесахъ Фонвизина лишь вскользь, въ подстрочномъ примѣчаніи. Очевидно, для князя еще сохраняли значеніе понятія старинной литературной теоріи, по которымъ комедія въ прозѣ считалась ниже, чѣмъ комедія въ стихахъ. Пушкина такія соображенія уже не могли стѣснять. „Фонвизинъ"—говорится въ примѣчаніи Вяземскаго—„умѣлъ быть оригинальнымъ и хорошимъ стихотворцемъ, но писалъ прозою комедіи, допынѣ лучшія на нашемъ театрѣ, и даже единственныя, какъ по силѣ представленныхъ правовъ и характеровъ, такъ и по разговору, который блистаетъ непринужденнымъ остроуміемъ". „Не поэтому", возражаетъ въ своей замѣткѣ къ приведеннымъ словамъ Пушкинъ.—„Но о Фонвизинѣ поговоримъ послѣ". Къ сожалѣнію, Пушкинъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе. Несомнѣнно однако, что онъ цѣнилъ Фонвизина высоко, и не за силу его сатиры или за его остроуміе, а за жизненность образовъ, созданныхъ его творчествомъ: довольно вспомнить его восторженный отзывъ про „Разговоръ у княгини Халдиной". Когда Вяземскій, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, принялся за большой трудъ о Фонвизинѣ, Пушкинъ горячо привѣтствовалъ это предпріятіе и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ князю въ уясненіи и разработкѣ его задачи.

Вообще, какъ извѣстно, въ русской литературѣ XVIII вѣка Пушкинъ, хорошо ее знавшій, признавалъ только три крупныя дарованія—Ломоносова, Фонвизина и Державина. Такъ, и при разборѣ статьи Вяземскаго, прочитавъ его слова, что стихи Державина къ Озерову „отзываются старостью поэта и не стоютъ прозы

Озеровой", Пушкинъ поспѣшилъ замѣтить: „Милый мой, уважай отца Державина, не равняй его стиховъ съ прозой Озерова!" А между тѣмъ никто лучше Пушкина не видѣлъ недостатковъ Державинскаго стихотворства.

Мы уже упоминали о томъ, что князь Вяземскій, въ своей статьѣ, рѣшился даже провести паралель между заслугами Озерова, какъ „преобразователя русской трагедіи", и заслугами Карамзина, „преобразователя прозаическаго языка". „Оба", говорилъ онъ,— „оставили между собою и предшественниками своими великое разстояніе. Судя по твореніямъ, которыя застали они, нельзя не признать, что ими вдругъ подвинулось искусство, и если бы не при насъ случилось сіе важное преобразованіе, трудно было бы повѣрить, что оно не приготовлено было твореніями, отъ насъ утраченными. Но для нѣкоторыхъ людей сей геркулесовскій подвигъ не существуетъ". Въ этихъ послѣднихъ словахъ Вяземскій намекаетъ на Шишкова, который одинаково враждебно высказывался и противъ Карамзина, и противъ Озерова, предпочитая послѣднему даже Сумарокова. Пушкинъ, разумѣется, не желалъ да и не могъ оказаться единомышленникомъ адмирала-литератора; тѣмъ не менѣе, онъ не находилъ справедливымъ сопоставленіе, сдѣланное Вяземскимъ. „Большая разница", спѣшитъ онъ отвѣтить на слова послѣдняго; — „Карамзинъ — великій писатель во всемъ смыслѣ этого слова, а Озеровъ—очень посредственный. Озеровъ сдѣлалъ шагъ въ слогѣ, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовскаго въ немъ нѣтъ ничего". Нѣсколько далѣе Вяземскій, впадая отчасти въ противорѣчіе съ самимъ собою, замѣчаетъ, что, не смотря на дѣятельность Озерова, „драматическое искусство у насъ еще въ колыбели". Пушкинъ немедленно подхватываетъ это выраженіе и пишетъ на полѣ противъ него: „Гдѣ же геркулесовскій подвигъ Озерова?" Еще далѣе Вяземскій высказываетъ мнѣніе, что „Эдипъ въ Аѳинахъ" поставилъ Озерова „на степень первѣйшаго нашего трагика". Пушкинъ подчеркиваетъ слово *первѣйшій* и сбоку приписываетъ:

Въ Москвѣ считался знаменитымъ,
Затѣмъ что былъ одинъ.

Наконецъ, встрѣтивъ въ статьѣ Вяземскаго собственное признаніе Озерова, что чтеніе стиховъ ничтожнаго французскаго поэта прошлаго вѣка Колардо „открыло ему путь парнасскій“, Пушкинъ тонко замѣчаетъ: „Это даетъ мнѣ мѣрку дарованія Озерова“. Все это показываетъ, что Пушкинъ признавалъ талантъ автора „Димитрія Донского“ блѣднымъ и слабымъ, и между прочимъ неспособнымъ именно къ творчеству драматическому.

Какъ и слѣдовало ожидать, князь Вяземскій отводитъ въ своей статьѣ много мѣста разбору отдѣльныхъ трагедій Озерова. Эта часть статьи, по видимому, мало удовлетворила Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала съ его стороны лишь небольшое число замѣчаній. Въ разборѣ „Эдипа въ Аѳинахъ“ онъ просто зачеркиваетъ отдѣльныя выраженія и цѣлыя фразы, ему не понравившіяся, но только въ рѣдкихъ случаяхъ сопровождаетъ эти помарки своими замѣчаніями. Должно признать, что ни авторъ статьи, ни его критикъ не были на столько хорошо знакомы съ Софокломъ, чтобъ основательно судить, какъ далеко Озеровъ отступилъ отъ своего греческаго образца; притомъ, оба они упустили изъ виду, что русскій трагикъ руководствовался не прямо трагедіей древняго поэта, а ея плохими передѣлками, принадлежащими XVIII вѣку. При такихъ условіяхъ замѣчанія Вяземскаго объ „Эдипѣ въ Аѳинахъ“ получили характеръ нѣсколько случайный и нетвердый, и въ свою очередь возраженія на нихъ со стороны Пушкина какія-то отрывочныя и не досказанныя. Такъ, у Вяземскаго встрѣчается, напримѣръ, такая фраза: „Отнимая у Эдипа все то, что, такъ сказать, теряется для глазъ нашихъ,—его несчастіе, благородная твердость, нѣжная любовь его дочери имѣютъ еще довольно правъ на состраданіе, и повѣсть Эдипа останется всегда богатымъ и счастливымъ наслѣдствомъ древнихъ, которымъ успѣшно могутъ пользоваться и новѣйшіе трагики“. Читая эту фразу, трудно догадаться, что въ первой половинѣ ея авторъ намекаетъ на значеніе рока, судьбы въ жизни Эдипа, значеніе, соотвѣтственное языческимъ представленіямъ древнихъ грековъ, но совершенно чуждое нашимъ христіанскимъ понятіямъ. Пушкинъ, быть можетъ, и чувствовалъ неясность этого намека, но съ своей стороны ограничился лишь слѣдующею, тоже неопредѣленною оговоркой противъ вышеприведенной фразы: „Кри-

тика слишкомъ незрѣлая". Далѣе, въ своей попыткѣ сравнить Озеровскаго „Эдипа въ Аѳинахъ" съ Софокловымъ „Эдипомъ въ Колонѣ" Вяземскій проводитъ параллель между тѣмъ, какъ древній и новый поэты представили развязку трагедіи. У Софокла она кончается смертью Эдипа, но самая эта смерть облечена покровомъ таинственности: Эдипъ загадочно погибаетъ въ святилищѣ мстительныхъ Евменидъ. Таково было древнее преданіе, и Софоклъ остался ему вѣренъ. Напротивъ того, Озеровъ отступилъ отъ него самымъ произвольнымъ образомъ: у него Эдипъ, послѣ всѣхъ своихъ злоключеній, остается живъ, а умираетъ его врагъ Креонъ, и такимъ образомъ наивно достигается нравоучительная цѣль трагедіи: порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. Странность такой развязки—кстати сказать, совершенно не соотвѣтствующей древнему преданію, ибо надъ Эдипомъ все-таки тяготѣетъ преступленіе, хотя и невольное,—не ускользнула отъ строгаго осужденія со стороны Вяземскаго: „Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хотѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасный конецъ Софокловой; но одинъ актеръ, въ школѣ Сумарокова воспитанный, испугалъ его, предсказывая, что публика дурно приметъ конецъ, столь противный общимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ твореній, и родилъ въ немъ мысль развязать трагедію смертію Креона. Озеровъ принялъ этотъ совѣтъ и лишилъ себя и насъ счастливаго, можетъ быть, единственнаго случая познакомиться съ сверхъестественными окончаніями древняго театра. Такимъ образомъ вкоренѣлые предразсудки и уполномоченные представители ихъ въ обществѣ заграждаютъ произвольными межами путь генію, еще не довольно возмужавшему, чтобы съ постоянною смѣлостью презрѣть ихъ въ полетѣ своемъ". Замѣчаніе Вяземскаго сводится въ концѣ концовъ лишь къ тому заключенію, что развязка трагедіи въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Софоклъ, могла бы быть эффектною и на современной сценѣ; о чисто же античномъ свойствѣ этой развязки, въ смыслѣ примиренія невольнаго преступника (а съ нимъ вмѣстѣ и зрителей) съ неизбѣжною силой рока, князь Вяземскій и не думалъ; онъ даже прямо говоритъ, что не дѣло трагическаго поэта заботиться о жребіи и приговорѣ Провидѣнія. Еще менѣе Пушкинъ думалъ о томъ, какъ древніе разумѣли конечную судьбу Эдипа; въ

своей замѣткѣ къ послѣднимъ изъ приведенныхъ словъ Вяземскаго онъ предлагаетъ только частную поправку: „Тутъ не было ни генія, ни смѣлаго полета,—просто вкусъ“. То-есть, *дурной вкусъ* Озерова и его совѣтниковъ; словомъ, Пушкинъ остается при своемъ убѣжденіи на счетъ слабости дарованія Озерова; но изъ его поправки нельзя заключить, сочувствовалъ ли онъ справедливому сожалѣнію Вяземскаго объ устраненіи Софокловой развязки. Вообще, по вопросу о нравственномъ значеніи трагедіи, поднятому Вяземскимъ по поводу „Эдипа въ Аѳинахъ“, Пушкинъ старается или вовсе не высказываться, или переноситъ его на чисто эстетическую почву. Слова Вяземскаго, что „трагикъ не есть уголовный судія“, вызываютъ у него восклицаніе: „прекрасно!“ Но когда, вслѣдъ затѣмъ, Вяземскій впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою и говоритъ: „Обязанность его (трагика) и всякаго писателя есть согрѣвать любовію къ добродѣтели и воспалять ненависть къ пороку... Великіе трагики и изъ повѣйшихъ чувствовали сію истину, и Вольтеръ, поражая Зопира и щадя Магомета, не былъ ни гонителемъ добродѣтели, ни льстецомъ порока“,—Пушкинъ спѣшитъ возразить на это разсужденіе слѣдующими горячими словами: „Ни чуть! Поэзія выше нравственности, или по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ—ихъ одна поэтическая сторона“. Было бы излишне входить въ толкованіе этихъ словъ: понятыя слишкомъ буквально, они, конечно, могутъ показаться односторонними; но буквальное объясненіе отдѣльной, отрывочной фразы недостаточно и не можетъ быть правильнымъ; въ замѣткѣ Пушкина рѣчь идетъ не о томъ, что поэтъ въ своемъ творчествѣ не связанъ высшимъ нравственнымъ закономъ, а о томъ, что свобода созданія есть его неоспоримое, естественное право.

По поводу другой трагедіи Озерова „Фингалъ“ князь Вяземскій возбуждаетъ вопросъ о томъ, на сколько поэмы Оссіана, служившія въ данномъ случаѣ источникомъ для русскаго автора, вообще способны представить матеріалъ для трагедіи. Между тѣмъ какъ „воображеніе Гомера богато, роскошно и разноцвѣтно, какъ вѣчная весна, царствующая на отеческихъ его поляхъ“, почему и произведенія его открываютъ „богатый рудникъ трагикамъ“,—

„воображеніе Оссіана сурово, мрачно, однообразно, какъ вѣчные снѣга его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь къ отечеству, и сія любовь согрѣваетъ его въ холодномъ царствѣ зимы и становится обильнымъ источникомъ его вдохновенія. Его герои—ратники, поприще ихъ славы — бранное поле, алтари — могилы храбрыхъ... Сѣверный поэтъ переносится подъ небо, сходное съ его небомъ, созерцаетъ природу, сродную его природѣ, встрѣчаетъ въ нравахъ сыновъ ея простоту, въ подвигахъ ихъ — мужество, которыя рождаютъ въ немъ темное, но живое чувство убѣжденія, что предки его горѣли тѣмъ же мужествомъ, имѣли ту же простоту въ нравахъ, и что свойства сихъ однородныхъ дикихъ сыновъ сѣвера отлиты были природою въ общемъ льдистомъ сосудѣ... Но", продолжаетъ Вяземскій,—„ровное и, такъ сказать, одноцвѣтное поле Оссіановыхъ поэмъ обѣщаетъ ли богатую жатву для трагедіи, требующей дѣйствія сильныхъ страстей, безпрестаннаго ихъ боренія и великихъ послѣдствій? Не думаю". Мотивовъ этого отрицательнаго отвѣта Вяземскій уже не развиваетъ далѣе, ибо отчасти указалъ ихъ выше, при самой постановкѣ вопроса. Мнѣніе критика остается такимъ образомъ не вполнѣ выясненнымъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя отказать ему въ справедливости. Макферсоновъ „Оссіанъ" вовсе не является наивнымъ созданіемъ настоящаго народнаго эпоса, въ которомъ таятся разнообразные источники дальнѣйшаго поэтическаго развитія. Та доля оригинальности, которая должна быть признана за поэмами, изданными Макферсономъ, заключается не въ ихъ эпическихъ темахъ, а въ новыхъ, дотолѣ невѣдомыхъ литературѣ формахъ лиризма; лиризмъ этотъ былъ вызванъ къ жизни вѣяніями своего времени и отвѣчалъ новымъ потребностямъ тогдашнихъ образованныхъ людей — пробужденію въ нихъ склонности къ меланхолическому созерцанію красотъ дикой природы, теоретическому увлеченію ихъ простыми и чистыми нравами людей, не испорченныхъ цивилизаціей. Такимъ образомъ, въ лучшей, самой жизненной сторонѣ поэмъ, приписываемыхъ Оссіану, дѣйствительно не было матеріала для разработки трагическихъ сюжетовъ; въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ признать вѣрною мысль, высказанную Вяземскимъ, даже еслибъ онъ самъ не давалъ себѣ полнаго отчета въ ея основаніяхъ.

Не больше отчетливости мы можемъ ожидать и во взглядѣ Пушкина на поэмы Оссіана. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать, что среди разныхъ литературныхъ вліяній, пережитыхъ Пушкинымъ, имъ была заплачена, въ очень ранней юности, нѣкоторая дань и каледонскому барду; онъ былъ, слѣдовательно, знакомъ съ особенностями и настроеніемъ Оссіановской поэзіи. Въ бѣглой замѣткѣ, написанной Пушкинымъ противъ вышеприведеннаго вопросо-отвѣта Вяземскаго, онъ говоритъ: „Что общаго между однообразіемъ Оссіановскихъ поэмъ и трагедіей, которая заимствуетъ у нихъ единый слогъ?“ Слово *слогъ* здѣсь нужно понимать, конечно, не въ тѣсномъ значеніи правильнаго и краснваго выраженія, а въ томъ смыслѣ, который данъ ему въ знаменитомъ афоризмѣ Бюффона: „Le style est l'homme même“. Подъ слогомъ Пушкинъ разумѣетъ здѣсь не только стройность рѣчи, но и ея соотвѣтствіе съ мыслями и чувствами писателя. Такимъ образомъ, Пушкинъ признаетъ, что въ „Фингалѣ“ Озеровъ умѣлъ усвоить себѣ настроеніе Оссіановскихъ поэмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря, что Озеровъ заимствовалъ въ своемъ источникѣ „единый слогъ“, онъ даетъ понять, что русскій авторъ отклонился отъ Оссіана въ разработкѣ избранной имъ темы. Дѣйствительно, сюжетъ трагедіи Озерова почерпнутъ изъ III-й пѣсни приписываемой Оссіану поэмы „Фингалъ“, но русскій авторъ значительно передѣлалъ его по-своему или, лучше сказать, въ духѣ псевдоклассической трагедіи, а главное—измѣнилъ и даже исказилъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ подлинникѣ они проще и цѣльнѣе, въ русской передѣлкѣ на нихъ наложена печать искусственности. У Оссіана Фингалъ — открытая, прямодушная натура, у Озерова — утонченный кавалеръ въ родѣ героевъ позднѣйшихъ рыцарскихъ романовъ; врагъ его Старнъ въ Оссіановой поэмѣ является во всей первобытной несдержанности своей дикой и злобной натуры, между тѣмъ какъ у Озерова это мстительный хитрецъ. Пушкинъ, очевидно, не одобрялъ Озерова за такія передѣлки; онъ видѣлъ въ нихъ неспособность русскаго автора освободиться отъ ложноклассическаго преданія. Слѣдующее замѣчаніе Пушкина подтверждаетъ наше толкованіе. Вяземскій хвалитъ Озерова за „искусство“, съ которымъ онъ „умѣлъ противопоставить мрачному и злобному

96877

Старну, таящему въ глубинѣ печальней души преступныя надежды,... благородство и довѣрчивость Фингала". Пушкинъ на это отвѣчаетъ: „Противоположности характеровъ—вовсе не искусство, но пошлая пружина французскихъ трагедій".

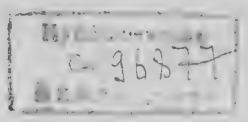
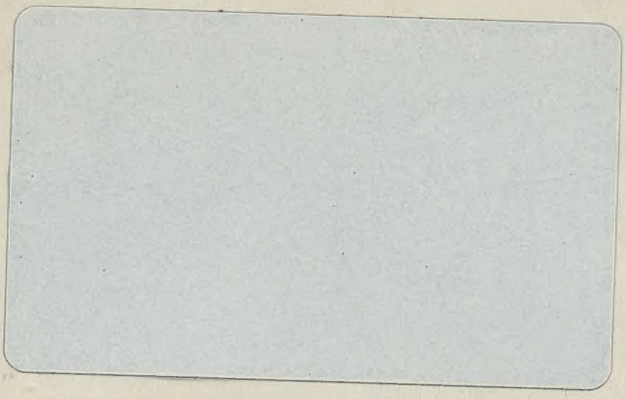
Этими немилостивыми словами оканчиваются замѣчанія Пушкина по поводу разбора отдѣльныхъ трагедій Озерова. Разсужденія Вяземскаго о „Поликсенѣ" и „Димитріи Донскомъ" онъ оставилъ вовсе безъ возраженій; но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ о „Димитріи" онъ былъ самаго невысокаго мнѣнія. Въ его наброскѣ „О драмѣ", относящемся къ 1830 году, встрѣчаются слѣдующія ироническія строки: „Озеровъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что... самыя народныя трагедіи Шекспира заимствованы имъ изъ италіанскихъ новеллъ". Авторъ „Бориса Годунова" и не могъ иначе отнестись къ попыткѣ Озерова.

Послѣднія страницы своей статьи князь Вяземскій посвятилъ общей оцѣнкѣ таланта Озерова и его литературной дѣятельности. Пушкинъ оставилъ эти страницы безъ всякихъ замѣчаній и только отчеркнулъ карандашемъ слѣдующую фразу: „Трагедіи Озерова... уже нѣсколько принадлежатъ къ новѣйшему драматическому роду, такъ-называемому *романтическому*, который принятъ нѣмцами отъ испанцевъ и англичанъ". Не будемъ входить въ сужденіе о томъ, какое значеніе имѣетъ здѣсь слово *романтическій*, и какъ вообще смотрѣли на романтизмъ Вяземскій и Пушкинъ въ двадцатыхъ годахъ; замѣтимъ только, что съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ перваго послѣдній не могъ быть согласенъ, ибо видѣлъ въ Озеровѣ, не смотря на всѣ его пресловутыя „отступленія отъ правилъ", вѣрнаго послѣдователя псевдоклассической піитики.

Вслѣдъ за концомъ этюда Вяземскаго Пушкинъ написалъ и свое заключеніе, въ которомъ высказалъ свой общій отзывъ объ этой статьѣ и свое окончательное мнѣніе объ Озеровѣ. Вотъ эти строки:

„Часть критическая вообще слаба, слишкомъ слаба. Слогъ имѣетъ твои недостатки, не имѣя твоихъ достоинствъ. Лучше написать совсѣмъ новую статью, чѣмъ передавать печати это сбив-

чивое и невѣрное изображеніе. Озерова я не люблю не отъ зависти (сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ), но изъ любви къ искусству. Ты самъ признаешь, что слогъ его нехорошъ, а я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ. Озерова перевели; переводъ есть оселокъ драматическаго писателя; посмотри же, что̀ изъ него вышло во французской прозѣ".

Князь Вяземскій, безъ сомнѣнія, имѣлъ передъ глазами эти строки, когда, въ 1876 году, набрасывалъ приписку къ одному изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ. Въ этой припискѣ онъ между прочимъ говорилъ: „Пушкинъ Озерова не любилъ, и онъ часто бывалъ источникомъ нашихъ живыхъ и горячихъ споровъ. Оба мы были неуступчивы и нѣсколько заносчивы, я — еще болѣе, нежели Пушкинъ. Онъ не признавалъ въ Озеровѣ никакого дарованія; я, можетъ быть, дарованіе его преувеличивалъ. Со временемъ, вѣроятно, мы сошлись бы на полудорогѣ". Такъ тотъ изъ двухъ друзей-спорщиковъ, которому суждено было надолго пережить своего собесѣдника, приносилъ, на старости лѣтъ, покаяніе въ своихъ молодыхъ увлеченіяхъ, сохраняя въ то же время убѣжденіе, что и его упрямый, но добродушный противникъ пошелъ бы со временемъ на уступки со своей стороны.

Л. Майковъ.